

Датская сказка

" Откуда птицы-пигалицы пошли "

В давние времена стояла на полуострове Ютландия, в приходе Эллинг, старинная мельничья усадьба. Мельник с женой умерли, и досталась усадьба трем их дочерям: Сиссе, Миссе и Кисее. Жили сестры на мельниковом дворе одни, а мельницу издольщику Кристиану внаймы сдавали.

Сраше Сиссе и Миссе во всем приходе не было. А кто из них двоих краше был – Сиссе или Миссе, тут уж и вовсе не разобрать.

Спорят, бывало, парни, спорят. Один: "Сиссе краше", другой: "Миссе краше". И кончалось дело потасовкой. Наставят синяков друг другу, да толку все равно мало. Каждый свое твердит.

Третья сестра, Кисее, была не очень–то пригожа. Зато работающая: хозяйство вела, и все у нее в руках спорилось.

А у сестриц ее только и дела, что наряжаться да на красу свою в зеркало любоваться.

Слава о Мельниковых дочках за сто миль по округе Вен–сюссель шла. И столько к ним хороших и ладных парней сваталось, что кумушки со счёту сбились. Одним парням красота Сиссе и Миссе по душе пришлась. Другие, что поразумней, работающую Кисее себе присмотрели.

Только Сиссе и Миссе на простых парней даже не смотрели. Приискивали они себе женихов побогаче да познат–нее. А Кисее – так та вовсе боялась замуж: ийти.

И вот затеял однажды сватовство издольщик Кристиан.

Был Кристиан хозяин добрый и мельник толковый. Добывал свой хлеб честно. И все в округе знали: крестьян он не обирает, за помол не дерет и муки не ворует. Таких мельников мало в ту пору было.

Держал мельницу Кристиан три года, наживал добро себе и сестрам, а потом вдруг надумал: "Не лучше ли все деньги в один карман класть? И Миссе мне по душам пришлась. Пойду–ка я посватаюсь".

Пришел он на мельников двор и говорит:

– Надумал я, Миссе, на тебе жениться!

Миссе ему в ответ:

– Ты что, рехнулся? Ступай откуда пришел, знай свое место да поищи себе жену ровню!

Кристиану будто в лицо плюнули. Обозлился мельник, глаза кровью налились, но ни слова не сказал он и вышел.

А в саду Сиссе стоит.

Подумал Кристиан: "Негоже мне без невесты домой возвращаться".

И посватался он к Сиссе.

Сиссе ему в ответ:

– Неужто я за такого, как ты, замуж пойду?

Еще больше обозлился Кристиан и не солоно хлебавши пошел к себе домой.

Вдруг видит – у дверей пивоварни Кисее стоит.

Он и подумал: "Красота сотрется, а сноровка остается, От работающей жены в хозяйстве проку больше". Взял и посватался к Кисее.

– Спасибо на добром слове! – сказала Кисее и отер, руки о передник. – Рада бы я за тебя пойти, да не могу! Боюсь я!

– Чего ж ты боишься? – спрашивает ее арендатор.

– Хлопот с мужем не оберешься, – отвечает Кисе.– Обихаживай его, ублажай, ходи за ним да деток расти. А то еще повадится в харчевню; воротится домой хмельной, того и гляди, поколотит. Нет уж, лучше я в девицах останусь. А то как бы хуже не было.

Так и ушел Кристиан ни с чем. Ходит дома туча тучей, глядит волком. А все–таки видит, что без хозяйки ему никак не обойтись.

Отправился Кристиан на другой двор, и отыскалась там девица, что согласилась пойти за него. И была она ему потом доброй женой.

Вскоре пришел свататься на мельников двор пасторский сын Кристоффер. Был он человек ученый и мыслями все в облаках витал, да только рассудил, что не грех и о земном подумать. А с доброй–то красавицей женой и наука веселее пойдет! К тому же у сестер из мельничьей усадьбы денег, говорят, куры не клюют. Так что покуда можно будет и у них на хлебах посидеть.

Посватался он к Сиссе.

Сиссе ему в ответ:

– Да ты в своем уме? Неужто, по–твоему, я за длиннорясого замуж пойду? Ты на своих отца с матерью погляди!

Отец твой раздобрел что боров. А матушка как щепка тощая! За день и не присядет. То пиво пастору в кружку подливай, то пеленки малым ребятам меняй! Так вот и мается!

А чем бы вы все кормились, кабы люди добрые вам гостинцев не подносили? Нет уж, поищи себе жену ровню!

Вышел Кристоффер из горницы, а у дверей Миссе стоит.

– Может, ты со мной обручишься? – спрашивает Кристоффер.

– Нет уж, подожду, когда станешь епископом. Епи–скопшей быть да жить в Ольборге, где все епископы живут, куда ни шло! Только торопись, покуда молод. За старика я ни за что не пойду!

Проглотил обиду Кристоффер и пошел было домой, но повстречалась ему у дверей пивоварни Кисее.

Посватался к ней Кристоффер, а Кисее ему от ворот поворот, как и Кристиану. С тем он и ушел.

Третий жених был купец Серен с Фладстранна. Слыл Серен купцом обходительным. Покупателям в пояс кланялся, оттого у него и спина согнулась. А покупателям–то невдомек, что он их обвешивает и обходительностью плутни прикрывает. Нажил Серен обманом большое имение.

Прикатил он на мельников двор в карете, расфранченный; карманы битком далерами набиты. Повстречалась ему первой Кисее – чистила она чугуны.

– Ты, верно, служанка, а не хозяйская дочка? – спрашивает купец.

– Не–ет, хозяйская,– отвечает Кисее.–Только нас, дочек, трое, и коли тебе красавицы нужны, так они в горнице сидят.

Пошел он в горницу, а там, и вправду, Сиссе с Миссе рядышком сидят. Надумали они женихам смотрины устраивать и спроваживать тех, кто не по душе придется, вместе.

Поглядел Серен на одну сестру, поглядел на другую, потом отвесил Сиссе поклон и просит:

– Выходи за меня замуж!

Миссе за нее отвечает:

– Ты что, рехнулся? Только и в мыслях у нас, что в твоей поганой лавчонке сыром торговать! Еще что выдумал! Явится какая–нибудь с двумя скиллингами в кармане, а мы перед ней шею гни! Как бы не так! У нас своего добра хватает!

Стал тут купец кланяться, прощения просить. Пятился он к выходу, пятился да и налетел прямо на Кисее. А та с ведром в руках шла в сенях пол мыть. Пришло тут Серену на ум, что проку от Кисее в хозяйстве больше, а доля ее в наследстве не меньше сестриных; может, и жена из нее еще лучше выйдет. Он и посватался.

Отерла Кисее руки о тряпку и говорит:

– Рада бы я за тебя пойти, да боюсь. Нынче–то ты сладко поешь, а вот как запоешь, когда домой хмельной явишься Да станешь сапогами в меня швырять!

И отъехал купец ни с чем.

Разнеслась тут молва, что в приходе Эллинг невестятся сестры, до того привередливые и спесивые, что ни один жених им не по нраву.

Прослышал про то граф из замка Дронниглюнн. Был он человек неженатый, вот и решил поглядеть на девиц, что УЖ столько женихов спровадили.

Разрядился граф в пух и прах и явился со свитой на мельников двор. Провели его в залу, где Сиссе с Миссе сидели. И увидел тут граф, что люди правду говорят: краше девиц ему встречать не доводилось. А уж он–то немало поездил по белу свету!

"М–да, – подумал граф, – одна лучше другой! К которой бы посвататься? Э, да не все ль равно? Посватаюсь к обеим. Кто согласие даст, ту и в жены возьму!"

Пустил он тут всю свою графскую обходительность в ход. Махнул ручкой, шаркнул ножкой. Глядит на сестер, не наглядится, глаз отвести не может, чуть не окосел.

Как выговорился граф, переглянулись сестры, улыбнулись, а Миссе и говорит:

– Господин граф, поди, думают, что честь это для нас превеликая! Но в Дании графов – хоть пруд пруди; еще и познатнее вас

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

найдутся! Но не тужите! Отыщется небось и для вас какая ни на есть заваливающая дворяночка, что метит, бедняжка, в графини. Поговорите с ней!

Выбежал граф из залы как ошпаренный, вскочил на коня и прочь со двора. Сметал он все на своем пути, опрокинул и ведро, что Кисее как раз с водой из колодца вытащила.

– Так это ты третья сестра, что не желает замуж идти? – спрашивает граф.

– Хочу, да боюсь! – отвечает Кисее.

– Ах, чтоб тебя! Не пристало мне домой без невесты возвращаться. Лицом–то ты не больно пригожа, ну да не с лица воду пить! А моей красы на двоих хватит. Скинь свои деревенские башмаки и иди сюда! Лошадь нас обоих выдержит.

Думала Кисее, думала, а потом сказала:

– Боюсь я! Графы–то, верно, из того же теста, что и другие. Сватать идет – речи что мед, а женится – переменится.

Да и не житье простой девушке среди знатных.

Взбеленился граф и отъехал со своей свитой, злущий–презлущий.

А вскоре явился на мельницу герцог, верный слуга короля. Прослышал он, как сватался граф из Дроннингглюнна и как выставили его с позором со двора. Захотелось тут герцогу этому бесталанному графчику нос утереть.

Разрядился герцог в пух и прах, взял с собой преогромную свиту.

Миссе аж глазами заморгала при виде герцога и забормотала:

– Его–то уж можно бы взять в мужья!

– Помолчи! – прикрикнула на нее Сиссе.– Не пристало мне выходить за кого попало, а неужто ты хуже меня?

Пошел в залу герцог и тоже увидел, что люди правду говорят: красота девиц была его герцогскому званию под стать.

Заговорил тут герцог как по–писаному. Посватался он и стал ответа ждать.

В этот раз повела речь Сиссе.

– Честь велика, да не очень, – молвила она, – и своя честь у всякого есть. Не подобает мне выходить за слугу, хоть и королевского.

Сестрица моя думает так же.

Ущипнула она Миссе за руку, а Миссе вздохнула и смолчала. На сей раз была она не прочь замуж выйти, но Сиссе в доме верховодила, и Миссе ей перечить не посмела.

Вскочил герцог на коня – и прочь со двора, только искры из–под копыт посыпались. Но вдруг углядел он Кисее, что поила скотину, и мигом осадил коня.

"Вот и третья сестрица! – сказал он про себя.– Не посвататься ли к ней? Бесталанному графчику она отказала, так что согласие ее нынче в цене. Да и девица, видать, самостоятельная! А не приживется при королевском дворе, будет дома сидеть, деток растить".

Выпрямился герцог в седле и крикнул:

– Эй, девица! Садись на коня! Заживем мы с тобой на славу! Детки у нас пойдут!

– Боюсь я! – сказала Кисее, а сама чуть не плачет.

– Ну, тогда шут с тобой! Мне жены–трусихи не надо! – ответил герцог и поскакал домой ни с чем.

Случилось так, что в Венсюзселе и в Химмерланне, в Тю и на острове Морс все люди до единого узнали, как три сестрицы графа с герцогом спровадили. И потому–то боялись теперь женихи к сестрам заглядывать. Долгие годы никто на мельников двор в приходе Эллинг и глаз не казал.

Кисее тому не нарадуется – только бы не докучали ей сватовством. Хлопотала она по хозяйству и была добра ко всем, так что окрестные женщины хвалят ее, бывало, не нахвалятся.

А в парадной горнице тихо было – слышно, как муха пролетит. Там Сиссе с Миссе сидели, женихов поджидали, неделя за неделей, год за годом. Молодости и красоты у них не прибавлялось. Засиделись они, и в народе стали поговаривать: "Девушки невестятся, а бабушке ровесницы".

Миссе было пожалела:

– Зря не пошли за графа или за герцога.

Но Сиссе молвила спесиво:

– Коли я могу ждать, можешь и ты. Найдется же наконец какой–нибудь жених. За первого пойду я, а потом оты–щу мужа и тебе.

Явился наконец сам датский король. Потому что молва о разборчивых невестах с Мельникова двора в Эллинге и до него дошла. Правда, прослышал он про них уж тому лет десять назад, когда жива была еще королева. И король не приезжал, чтоб жене обиды не причинить. Но все те десять лет у короля только и думы было, что о красавицах, которые и графа и герцога с носом оставили.

Но вот умерла королева. А как схоронили ее честь по чести, приказал король переправить его на корабле через Большой и Малый Бельт. Оттуда покати́л он в карете прямо в Ольборг, а потом снова переправился на корабле в Сюнн–бю. Так что езда заняла немало времени.

Под конец прибыл король в Книвхольт и посылает гонца в Эллинг с наказом: приехал–де король, желает переговорить с высокочтимыми девицами и ждет их к себе. Гонец привез ответ:

"Ежели король желает с нами переговорить, пусть сам и явится".

– Ах, чтоб вас!.. – в сердцах ругнул девиц король.

Стал он думать, как дальше быть, а потом махнул рукой: "Не поворачивать же назад ни с чем, коли так далеко забрался".

Велел он заложить золотую карету и покати́л в Эллинг.

Едет король, а народ за ним валом валит. Ведь по всей округе молва разнеслась: "Сам датский король приехал Мельниковых дочек сватать!"

Вошел король в залу, где Сиссе и Миссе сидели. Как увидели сестрицы короля с золотой короной на голове и в горностаевой мантии, поднялись они разом и низко поклонились.

Уселся король в кресло, снял золотую корону и на пол ее рядом с креслом поставил. Обмахнул король лоб шелковым платочком, протер очки. Был он уже в летах, да и не в первый раз сватался, так что хотелось ему невест получше разглядеть.

Вдруг король ухмыльнулся:

– Это ж два перестарка! Ну и пигалицы облезлые! Ах, чтоб их!.. Ну да ничего! Стоило поехать за тридевять земель, чтоб своими глазами увидеть, как граф с герцогом обманулись. Ухмыльнулся король снова, надел корону и к двери пошел. А на сестер и не глядит.

На дворе Кисее стояла. Поклонилась она королю низко и пробормотала:

– Сдается мне, я уже не боюсь!

– Ты не боишься, зато я боюсь! – молвил король. – И скажу тебе, голубушка, довелось мне биться и со шведами, и с вендами, и с англичанами; их я не боялся, а тебя – боюсь!

Прыснула тут со смеху вся свита, и король вместе с ней, и укатали все со двора. Только их невесты и видели.

Люди, что сбегались в усадьбу, тоже услышали королевские слова – и ну хохотать. Молва про королевские речи стала переходить из уст в уста. И уже смеялся народ во всем Венсюзселе и еще дальше, в Ольборге, на острове Морс и в Тю, в Виборге и в Риббе. Прокатился хохот через Малый Бельт, и захохотали в Оденсе, на острове Фюн. Большой Бельт – тоже не помеха, и вот уже заливается остров Зеландия. Дошло до того, что хохотали люди по всей Дании. Задрезбужжали от смеха оконные стекла мельничьей усадьбы в Эллинге, услышали смех сестры, надулись от обиды; дулись, дулись – и лопнули.

Ей–ей, не вру! Вмиг как не бывало! И с той самой поры никто их больше не видел. Но в народе говорят, что сестры не вовсе пропали: от них болотные птицы – чибисы, которых пигалицами кличут, пошли. Не велики те пигалицы, с голубя величиной; красы в них, что в цапле облезлой. А кричат жалостливо–прежалостливо.

Бывает, бредешь мимо ютландских болот да трясин и слышишь – кто–то жалостно так кричит:

"То–го не хо–чу! Э–то–го не хо–чу!"

И всегда которая–нибудь из пигалиц отвечает:

"А я бо–ю–сь! А я бо–ю–сь!"